

2. J. Misa. Thomas. Gender Codes: Why Women Are Leaving Computing, Copyright the IEEE Computer Society, 2010.
3. Margolis, Jane. Unlocking the clubhouse: women in computing / Jane Margolis and Allan Fisher. Massachusetts Institute of Technology, 2002.
4. Spertus E. Why are There so Few Female Computer Scientists? Massachusetts Institute of Technology Cambridge, MA, USA. 1991.
5. Luigi Guiso, Ferdinando Monte, Paola Sapienza, Luigi Zingales. Culture, Gender, and Math // Science 30 May 2008: Vol. 320, Issue 5880, - pp. 1164-1165 DOI: 10.1126/science.1154094 URL: <https://science.sciencemag.org/content/320/5880/1164.summary> (дата доступа: 15.11.2020)

УДК 821.161.1–1.09
DOI 10.24411/2409-3203-2020-12465

**М. Ю. ЛЕРМОНТОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ
А. И. НЕСМЕЛОВА И А. А. АЧАИРА**

Пасевич Заряна Васильевна

к.ф.н., доцент кафедры русской филологии
ФГБОУ ВО Тихоокеанский государственный университет
Россия, г. Хабаровск

Аннотация: В статье рассматриваются различные формы отражения творческого наследия М. Ю. Лермонтова в художественном сознании поэтов других эпох, в частности, поэтов дальневосточной эмиграции. Предмет исследования – художественная интерпретация образа Лермонтова и его трагической судьбы в стихотворениях старшего поколения эмигрантов «Лермонтов в Пятигорске» (1941) А. А. Ачаира и «Без роз» (1941) А. И. Несмелова. Статья содержит подробный анализ этих стихотворений в различных аспектах.

Ключевые слова: дальневосточная эмиграция, тема поэта, восприятие Лермонтова, А. Ачаир, А. И. Несмелов.

**M. Y. LERMONTOV IN THE POETIC PERCEPTION OF
A. I. NESMELOV AND A. A. ACHAIR**

Pasevich Zariana Vasilievna

PhD, Associate Professor of philology
Pacific National University
Russia, Khabarovsk

Abstract: This article discusses the various forms of reflection of Lermontov's creative heritage in the artistic consciousness of the poets of other ages, in particular, of the Far Eastern emigration. The subject of the research is an artistic interpretation of the image of Lermontov and his tragic fate in the poems of the older generation of emigrants "Lermontov in Pyatigorsk" (1941) by A. A. Achair and "Without roses" (1941) by A. I. Nesmelov. This article contains a detailed analysis of these poems in various aspects.

Keywords: Far Eastern emigration, the poet's theme, Lermontov's perception, A. Achair, A. I. Nesmelov.

Дальневосточная литературная эмиграция, как и западная, считала основной своей задачей сохранять и развивать русскую культуру. В. В. Константинович в статье, посвященной Дню русской культуры (1933 г.), писал: «Родина – это не только территория, это не одно лишь географическое понятие, но и вся совокупность духовных сил и дарований народных, то вечное, не умирающее наследие, какое получил и хранит от дней своих предков народ. Вот почему мы – изгнанники, мы – «странники вечные», говорим: у нас есть то, чем сильны и крепки мы, у нас есть наша духовная Россия – Россия Пушкина, Достоевского, Россия великих наших умов, наших гениев. Её, эту Россию, отнять у нас может только смерть» [5, с. 2].

Творчество представителей дальневосточной ветви эмиграции (А. Ачаира, А. Несмелова, В. Обухова, Н. Резниковой и др.) свидетельствует об их постоянном внимании к русской классической литературе. С 1926 по 1942 г. в Харбине проводились дни русской культуры, на которых отмечались юбилейные даты русских писателей и поэтов. Празднование юбилеев сопровождалось литературными публикациями в эмигрантских газетах «Заря», «Рупор», «Русское слово», «Наш путь», журналах «Рубеж» и «Луч Азии». До настоящего времени наименее изученной остается та часть литературного наследия дальневосточной эмиграции, в которой отражается индивидуальное восприятие творчества классиков русской литературы. Одной из центральных фигур русской литературы для дальневосточных эмигрантов выступал М. Ю. Лермонтов: «Как бесчисленными звездами вечернее небо, горит и светится славными именами храм русской литературы. В центре – ослепительное созвездие, блестящий триумвират: Пушкин, Лермонтов, Гоголь» [5, с. 3]. Литературно-критические статьи и юбилейная публицистика о Лермонтове стали предметом рассмотрения отдельной статьи [8]. Немаловажно и то, что представители младшего и старшего поколения русских эмигрантов Китая обратились к осмыслению личности и творчества Лермонтова также в художественной форме: были опубликованы стихотворения Н. Щеголева «Лермонтов» («Чураевка», 1934. №5 (11); А. Соколовой «Лермонтов» («Горные взлеты: Стихи», 1941), рассказы Б. Юльского «Луна над Бештау», А. Фомакова «Лермонтов в Тарханах» («Рубеж», 1941. №31); стихотворения А. Несмелова «Без роз», А. Ачаира «Лермонтов в Пятигорске» и Б.–Л. «Лермонтов».

Целью данной статьи является определение своеобразия осмысления судьбы Лермонтова в стихотворениях А. Несмелова и А. Ачаира – известных поэтов дальневосточной эмиграции, начавших заниматься литературным творчеством еще в России, и получивших признание при жизни в эмиграции: «Среди харбинских поэтов Несмелов занимает первое место... По дарованию и силе стиха [А. Ачаир] единственный в Харбине соперник Арсения Несмелова» [7, Л. 4].

Стихотворение А. Несмелова начинается со строк, создающих осязаемый пластический образ: *«В граненый ствол скользнула пуля, / Заряд старательно забит»* [6, с. 14]. Приемом аллитерации передается звук заряжаемого пистолета, решительность производимого действия. Перед нами, событие минувшей эпохи, словно освещенное на мгновенье вспышкой. В первом четверостишии Несмелое совмещает два временных плана: настоящее и прошлое. Настоящее актуализируется временным показателем (100 лет), прошлое – приближенной к реальности картиной заряжаемого пистолета.

Стихотворение Несмелова характеризуется близостью к повествовательной структуре, которая отмечалась как черта идиостилия еще на ранних этапах его творчества [10, с. 27]. С позиции реализуемой автором фактуальной информации, произведение можно считать документальным, оно насыщено реальными биографическими событиями. Несмелое размышляет об убийце Лермонтова, используя стилистический прием вопросно–ответного комплекса, который позволяет диалогизировать монологический текст, придать ему эмоциональную насыщенность: *«Кто посягнул? – не франт заморский, / А тоже русский офицер; / Его в гостиных Пятигорска / Ласкали, ставили в пример»*. Использование книжного слова «посягнуть» создает торжественно-трагическую тональность поэтической фразы. Сочетание «франт заморский» рассчитано на культурную память читателя,

вызывает в памяти убийцу Пушкина Дантеса. Сопоставление двух убийц показывает, что в восприятии А. Несмелова вина Мартынова более страшная. Ведь если Дантес «франт заморский» – иностранец, Мартынов – «русский офицер». Подобную же мысль можно проследить в раннем творчестве И. Северянина (впоследствии эмигрировавшего в Эстонию). В 1908 г. в стихотворении «На смерть Лермонтова» он писал: *«Гнуснее ты Дантэса – тот хоть пришлый, / В нем не течет земель славянских кровь; / А ты, змея, на битву с братом вышла, – / И Каин возродился вновь!..»*

Несмотря на то, что некоторые свидетели трагического события показали, что Мартынов был вынужден защищать честь офицера, для Несмелова он преступник, посягнувший на святыню. Мысль поэта подтверждают пророческие слова В. В. Розанова: «Никогда, никогда имя его не позабудется, и не забудется с проклинающим предисловием... Назовут Лермонтова – назовут Мартынова, фатально, непременно. Одного благословят, другого проклянут. Об одном скажут: «Был гений и надежда России», о другом: «Безнадежная тупица» [9, с. 641].

Прием контраста (2–3 строфы) формирует оппозицию общественной точки зрения на исторические образы Мартынова и Лермонтова. Мартынова как военного «ставили в пример», «ласкали», Лермонтова считали «кавалером не из лучших». В восприятии «черни» истина о воинской доблести Мартынова и Лермонтова оказывается перевернутой. Негативно воспринималось «светом» и творчество Лермонтова, что позволяет Несмелову переименовать абстрактное слово «свет» в антонимичное «чернь»: *«Его стихи казались вздором, / И слишком речь была резка: / Чернь оправдала дружным хором / Смерть у подножья Машука»*. Обобщенный образ «черни» имплицитно высвечивает авторскую антитезу «чернь» – «свет». В тексте актуализируется намеренная подмена названия представителей светского общества их внутренней сущностью. \» Употребление слова «чернь» – ключ к номинации «вздором»: «Чернь\», – говорил А. Блок, – требует от поэта служения тому же, чему служит она: служения внешнему миру; она требует от него «пользы», как просто говорит Пушкин; требует, чтобы поэт «сметал сор с улиц», «просвещал сердца собратьев» [2, с. 164]. Духовно убогая «чернь» не могла понять стихов поэта, не была способна оценить и смерть Лермонтова как величайшую из потерь.

Последний путь Лермонтова в поэтическом сознании Несмелова увенчан картиной русской природы: *«И вот опять леса, поляны; / Деревни русские ползут: / К несчастной бабушке в Тарханы, / Поэта мертвого везут»*. Несмелое воссоздает классический русский пейзаж: «леса», «поляны», «деревни». Употребление существительных во множественном числе создает ощущение величия, бескрайности русских просторов. «Оживить» картину прошлого, приблизить ее к читателю помогает использование глаголов в форме настоящего времени. Необычным метафорическим словосочетанием «деревни ползут» Несмелое создает эффект замедленного действия в описании движения повозки. В данной строфе отражен исторический факт – перевоз тела Лермонтова, изначально захороненного в Пятигорске, в Тарханы, что было совершено по ходатайству бабушки поэта. Прием поэтического параллелизма в предпоследней строфе устанавливается ассоциативная связь между трагическими судьбами двух великих поэтов: *«Не так ли в сивые метели / Дорогой зимней, столбовой, / И сани с Пушкиным летели / И обгоняли волчий вой»*. Движение повозки с телом Лермонтова передано глаголами настоящего времени, а движение саней с Пушкиным – глаголами прошедшего времени. Они противопоставлены по степени интенсивности движения: медленное и стремительное: «деревни ползут» – «сани... летели».

Мысль о литературном бессмертии поэтов репрезентирована «эффектом неожиданности», в основе которого заложено религиозно-философское суждение о смерти как о начале вечной жизни: *«Так началась литература, / И слава создавалась так!..»*. Выраженная Несмеловым мысль согласуется со словами Г. Иванова: «В русской поэзии есть две основные традиции, идущие от двух центральных фигур нашей поэзии. Каждый русский поэт связан воспоминаниями о Пушкине или о Лермонтове» [4, с. 7]. Поэты едины не только в своем величии, но и в судьбе: *«И мы сказать, пожалуй, вправе, / (Без злобы,*

Боже упаси!) / *Что розы путь поэтов к славе / Не устилали на Руси*». Вставная конструкция «Без злобы, Боже упаси!» является эмоциональной кульминацией стихотворения. Фразеологизм разговорного стиля «Боже упаси!», включенный в текст как риторическое восклицание, выражает субъективно-модальное значение решительного отрицания в форме горькой иронии и подготавливает неутешительный вывод: «*Что розы путь поэтов к славе / Не устилали на Руси*». Традиционный метафорический фразеологизм «устилать путь розами» обновляется автором путем инверсирования с добавлением новых компонентов. Это образное выражение намекает на трагическую закономерность в судьбах русских поэтов. Эта закономерность подтверждается и структурой произведения: тематический и лексический повтор в заглавии и финале формирует кольцевую композицию текста.

Заглавие стихотворного произведения – «полнозначная» единица целого текста, его сильная позиция и элемент, прогнозирующий тему или идею произведения. Тематически значимым представляется заглавие стихотворения А. Ачаира «Лермонтов в Пятигорске» [1, с. 4]. Оно соответствует в большей степени названию не стихотворного, а прозаического произведения. Так, например, в том же номере журнала «Рубеж», где опубликованы стихотворения А. Несмелова и А. Ачаира, есть рассказ А. Формакова «Лермонтов в Тарханах». Названием «Лермонтов в Пятигорске» уже предопределена повествовательная структура текста.

В строках, открывающих стихотворение, А. Ачаир воссоздает день дуэли: «*Улыбка роковая и досада, / В ресницах смех и пистолет в руке...*». Начало акцентирует внимание на наиболее значимом в произведении эпизоде дуэли. Подобный эпизод есть и в стихотворении А. Несмелова. Но если в тексте Несмелова мы наблюдаем динамику «кинокадра» (заряжаемый пистолет), то в стихотворении Ачаира – статику «фотокадра». Причем Ачаир не только описывает пистолет, но и с помощью характерных деталей раскрывает образ самого Лермонтова. Поэт не назван, но узнаваем в переданных А. Ачаиром психологических чертах: «*Улыбка роковая и досада, / в ресницах смех и пистолет к руке... / Грубит всю ночь бородачам усатым / близ Машука в шумящем цветнике*». В этих строках образ Мартынова отмечен компонентами портретной характеристики: борода и усы. Таким мы можем увидеть Мартынова на акварели Т. Райта. Употребляя выражение во множественном числе («бородачам усатым»), Ачаир обезличивает Мартынова, лишает его индивидуальности.

Описание вечера накануне дуэли – смысловой стержень стихотворения. Переход из одного времени (день дуэли) в другое (день накануне дуэли) обозначен фигурой умолчания, заставляющей читателя заполнить текстовое пространство психологическим переживанием события. Назывные предложения позволяют А. Ачаиру минимальным количеством языковых средств передать картину вечера: «*Гулянье. Пары. Всюду смех умилен. / Поручик здесь не знает никого. А сколько тут вздыхающих Верзилин – / Верзилиных и, – хитрых Хитрово*». Общество представлено фамилиями персон, имеющих отношение к судьбе поэта: Верзилины, Хитрово. Именно в доме Верзилиных в Пятигорске собиралось «водяное общество», большей частью военная молодежь. Здесь же произошла ссора Лермонтова с Мартыновым, приведшая к дуэли.

А. Ачаир дает нелестную характеристику дочерям Верзилиной – «вздыхающих Верзилин / Верзилиных», прибегая к окказиональной тавтологии, формирующей каламбур. Повтор однокоренных слов негативно акцентирует внешний признак (от просторечного «верзила»), что позволяет А. Ачаиру охарактеризовать дочерей Верзилиных как высоких нескладных девушек, к тому же вздыхающих по поэту. Эти строки можно расценивать как намек на биографический факт: некоторые современники считали, что из-за Надежды Петровны – дочери Верзилиной, произошла ссора Лермонтова с Мартыновым. Поэтому фразе «поручик здесь не знает никого» нельзя воспринимать буквально. Вероятно, этими словами автор хотел подчеркнуть одиночество Лермонтова.

Фамилия хозяйки петербургского литературного салона Хитрово обыгрывается поэтом в каламбуре «хитрых Хитрово», который подчеркивает внутреннее качество персонажей. Одновременно автор пытается передать психологическое состояние Лермонтова: *«Все – то же. Скука!»*. А. Ачаир создает образ общества Пятигорска упоминанием фамилии «Верзилины», а образ общества Петербурга упоминанием фамилии «Хитрово». Независимо от места, «свет» вызывает в поэте лишь скуку. Столкновение «вольного сердца» с «завистливым и душным» светом губительно для поэта, порождает ощущение несвободы. Но чем меньше надежд на обретение свободы, тем интенсивнее жажда воли и борьбы: *«На затылок / сдвинув / папаху стройный входит, не спеша, / судьбой еще незнаемый Мартынов, / и – жаждет схватки дерзкая душа, / и воли!..»*.

По воспоминаниям современников, Мартынов был красивый, но незначительный молодой человек. И если бы не дуэль с Лермонтовым, память о нем не сохранилась бы, несмотря на то, что он, как и Лермонтов, занимался литературным творчеством. Образ Мартынова раскрывается с помощью такой характерной детали, как походка героя, которая является одновременно и физиологической и психологической чертой. Молодцеватость, ухарство («На затылок сдвинув папаху») и неспешная походка Мартынова дают представление о его самовлюбленном и амбициозном характере.

В смысловом и композиционном отношении стихотворение разделяется на две неравные части. Переход осуществляется с помощью поэтического параллелизма (развернутое сравнение): *«...Так же к берегам Америк / Летели с ветром стаи каравелл.../ И грезятся: Эльбрус, Казбек, Валерик / И – русский флаг над грудой вражьих / тел»*. Открытие и завоевание Америки в воображении сопоставляется с присоединением Кавказа. Мысли поэта пронизаны романтикой победы. Эльбрус, Казбек, Валерик выступают как собирательный образ Кавказа, который в мировосприятии Лермонтова был символом воли и свободы. Ачаир показывает, как постепенно внутренний взор поэта поднимается ввысь, к небу: *«Эльбрус, Казбек» – «вести черту по снеговым хребтам» – «полет души Тамары милой там»*.

Особенность произведения заключается в авторской попытке соединить внутренний мир субъекта (поэт А. Ачаир) и объекта речи (поэт М. Ю. Лермонтов). Через внутреннюю речь Лермонтова А. Ачаир вводит в текст важную в поэтическом мире поэта антиномию «там – здесь»: *«Туда, туда! Пока хватает глаза / Вести черту по снеговым хребтам. / Там – все, что есть у древнего / Кавказа, – / Полет души Тамары милой там. / А здесь? Что здесь? Не хуже и не / лучше, / чем в Питере...»*. Лексические повторы «Туда, туда!», «А здесь? Что здесь?» придают экспрессивность речи, усиливают ощущение внутреннего порыва к освобождению от земной тяжести. Повторы акцентируют внимание на противопоставлении «там – здесь». Здесь – сфера земного – общество, там – сфера гармонии. На небеса, в сферу вечных, нетленных ценностей перемещен нравственный идеал поэта.

В стихотворении А. Ачаира присутствуют элементы внутреннего монолога, что связано с желанием поэта проникнуть в душевный мир Лермонтова. Автор использует прием прямого и перефразированного цитирования: *«Летит по небу ангел. Вместе с кем он?; И образ ясный, нежный лик Тамары / кривит смеешком упрямо сжатый рот...; С свинцом в груди, ничтожеством / повержен, / лежит поэт, – любовью вознесен!»*

Мировосприятие Лермонтова также раскрывается с помощью ключевых романтических символов: «там – здесь», «небо – земля», «общество – природа», «ангел – демон», «любовь», «смерть», «судьба». Автор переносит черты, присущие лирическому герою Лермонтова, на самого поэта. Воссозданное в стихотворении Ачаира представление о единстве «поэтической и действительной» личности Лермонтова не случайно. В книге «О лирике» Л. Гинзбург указывала на то, что «в истории русской лирики несколько раз возникали условия для того, чтобы наиболее отчетливым образом сложилось человеческое лицо, «подставляемое» вместо своего литературного двойника. Самые отчетливые лица русской лирики – Лермонтов, Блок, Маяковский» [3, с. 150].

Если в стихотворении А. Несмелова судьба Лермонтова прямо сопоставлена с судьбой Пушкина, то в тексте А. Ачаира данное сопоставление актуализируется в подтексте цитатой из стихотворения Лермонтова «Смерть поэта». Оба произведения заставляют читателя задуматься о судьбах поэтов на Руси.

Сопоставительный анализ стихотворений А. Несмелова и А. Ачаира, посвященных Лермонтову, выявляет различия в их восприятии великой русской трагедии. Образ Лермонтова в обоих поэтических текстах связан с особым комплексом ассоциаций. Выявляются приоритеты: для Несмелова важна судьба поэта, для Ачаира – своеобразие его внутреннего мира.

Поэтическое воссоздание образа М.Ю. Лермонтова, размышление о его жизни и судьбе связаны со специфическими задачами, которые ставила перед собой эмиграция. Старшее поколение эмигрантов, к которому принадлежали А. Несмелов и А. Ачаир, видело одной из своих задач воспитание молодого поколения в русле традиций исконно русской литературы и культуры, и потому сохранение памяти о ее великих представителях имело для них большое значение.

Список литературы:

1. Ачаир А. Лермонтов в Пятигорске // Рубеж. – Харбин, 1941. – №31. – С. 4.
2. Блок А. О назначении поэта. Речь, произнесенная на торжественном собрании в 84-ю годовщину смерти Пушкина // Собраний сочинений: В 8 т. / Под общ. ред. В. Н. Орлова, А. А. Суркова, К. И. Чуковского. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. Т. 6. Проза: 1918-1921 / Подгот. текста Д. Максимова и Г. Шабельской. Прим. Г. Шабельской. – 556 с.
3. Гинзбург Л. О лирике. – Л.: Советский писатель, 1974. – 409 с.
4. Гумилев Н. Стихотворения. Посмертный сборник / под ред. Г. Иванова. – СПб., 1923. – 128 с.
5. Константинович В. В День Русской Культуры // День русской культуры. – Харбин, 1933. – С. 20-21.
6. Несмелов А. Без роз// Рубеж. – Харбин, 1941. – №31. – С. 14.
7. Обзор эмигрантских газет на русском языке, сведения о литературных кружках, писателях и поэтах-эмигрантах // Государственный архив Хабаровского края. Ф. 830. Оп. 2. Д. 7. Л. 6.
8. Пасевич З. В. М. Ю. Лермонтов в критике и публицистике русской эмиграции Китая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13. – № 10. – С. 38-45.
9. Розанов В. О Лермонтове// Розанов В. О писательстве и писателях. – М., 1995. – С. 641.
10. Трусова И.С. «...И Россия снова будет с нами, улыбнувшись нам издалека»: Поэтический мир Арсения Несмелова (харбинский период, 1925-1945 гг.). – М., 2012. – 144 с.

